

НЕЗОРОАСТРИЙСКИЕ КУЛЬТЫ ПО ДАННЫМ АВЕСТЫ

Данная статья посвящена исследованию незороастрийских культов и жречества на материале Авесты. Выделяются термины, обозначающие незороастрийское жречество, анализируется их этимология и семантика, специфика использования в тексте. Рассматриваются функции жречества, а также ключевые элементы и характеристики незороастрийского ритуала в сравнении с ритуалом Авесты. Исследование основано на оригинальных текстах Авесты.

The article is devoted to the research of the non-Zoroastrian cults and the priesthood on Avesta's material. Special terms for designation of non-Zoroastrian priesthood, their etymology and semantics, specificity of usage in the source are put into consideration. The functions of priesthood, key elements and features of the non-Zoroastrian ritual are discussed in comparison with the ritual of Avesta. The research is based on Avesta's original texts.

Ключевые слова: Авеста; незороастрийские культы; ритуал; жречество; жертвоприношение; хаома.

Keywords: Avesta; non-Zoroastrian cults; ritual; priesthood; sacrifice; haoma.

В исторической науке существует ряд проблем, которые неизменно привлекают к себе повышенный интерес. К подобным проблемам относятся вопросы, связанные с организацией обществ, возникновением и развитием социальных институтов, механизмами и принципами их функционирования. Изучение любого феномена и явления, безусловно, требует обращения к обстоятельствам его возникновения. По этой причине представляется целесообразным проведение исследований подобных проблем на материалах древних индоиранских и индоевропейских обществ.

Авеста является уникальным письменным источником по истории древней Центральной Азии и иранских народов доахеменидского периода. Будучи священной книгой зороастризма, Авеста содержит обширный материал о первоначальной зороастрийской традиции. Вместе с тем книги Авесты содержат информацию и об иных культах, последователи которых не приняли реформаторские идеи Заратуштры. Таким

Міксюк Анастасія Сцяпанавуна – дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Міжнароднага гуманітарна-эканамічнага інстытута, кандыдат гістарычных навук.

образом, Авеста позволяет реконструировать некоторые особенности незороастрийских культов Центральной Азии.

Данная статья посвящена изучению незороастрийских культов и жречества по данным Авесты. Хронологические рамки включают период с начала II тыс. до н.э. до VI в. до н.э., что определяется датировками археологических культур, соотносимых с Авестой, и временем создания державы Ахеменидов.

Социальные институты, жречество и ритуалы вошли в сферу интересов исследователей Авесты только в XX в. К данным темам обращались В. И. Абаев [1], Л. А. Лелеков [4], Т. Гамкрелидзе и В. Иванов [2], Ж. Дюмезиль, Э. Бенвенист, Х. С. Ньюберг, А. Хинтце, М. Стаусберг, С. К. М. Форрест [14] и др. Ритуальной стороне раннего зороастризма особое внимание уделяли ученые-парсы (Д. Санджана, Дж. Дж. Модии, М. Дхалла [12] и др.). Следует отметить, что проблемы социальных институтов авестийского общества поднимаются по большей части в контексте источниковедческой критики, религиоведческих, философских или лингвистических исследований. Исторические исследования Авесты сегодня практически отсутствуют, что объясняется проблемами локализации и датировки авестийского общества, а также сложностью интерпретации текстов Авесты.

Отметим также, что проблема незороастрийских культов и жрецов, упоминаемых в Авесте, не была предметом особого исследования и рассматривалась, как правило, в контексте преемственности традиций жречества (П. Тиме), специфики реформы Заратуштры (Дж. Дармштетер [11], М. Моле, Г. Ньюберг, М. Бойс) или представлений авестийского общества о добре и зле (С. К. М. Форрест) [14]. Таким образом, подобное исследование, несомненно, актуально в современной исторической науке.

На протяжении долгого времени в исторической науке данные Авесты рассматривались без учета внутренней хронологии. Между тем условное разделение Авесты на два временных пласта (Гаты и Младшая Авеста) позволяет рассмотреть особенности культа и жречество в развитии.

Гаты – древнейшая часть Авесты, авторство которой традиция приписывает Заратуштре, основателю нового вероучения. Последователи Заратуштры именовались *mazdayasna*, т. е. «почитающие Мазду» или «приносящие жертвы Мазде» (Ясна 8, 3–4; Ясна 57, 13 и др.). Именно эта религия называется Авестой «величайшей, наилучшей, прекраснейшей» (Ясна 12, 9) и единственно правильной (Ясна 44, 11). Таким образом, Авеста признает существование и других вероучений. Все они, по Гатам, были созданы Ахура Маздой (Ясна 46, 6), несмотря на то, что

в позднейшей (пехлевийской) традиции он считался создателем лишь благих вещей.

Для обозначения последователей других религий создатели Авесты используют всегда особую отрицательную лексику:

- 1) drəgvant, «живый», «лжец» (Ясна 31, 17, 18; Ясна 47, 4 и др.);
- 2) duždānha-, «злодейственный», «созданный злом» (Ясна 30, 3);
- 3) dušəxšaθra-, «зловластный» (Ясна 48, 5; Ясна 49, 11 и др.);
- 4) duš.sastay-, «злообучающий» (Ясна 32, 9; Ясна 42, 1);
- 5) tbišvant, «враг» (Ясна 28, 6; Ясна 34, 4) и др.

Также последователи незороастрийских культов обозначаются собирательным термином daēva Yasna, т. е. «дэвопоклонники», «почитающие дэвов», «приносящие жертвы дэвам» (Яшт 19, 87 и др.). Очевидна связь авестийского daēva и ведийского deva и их общее происхождение от многозначного индоевропейского корня *dei-, *deǵ-, *dī-, *dǵh- («светить», «сверкать», «сиять», «блестеть»; «день»; «солнце»; «бог», «божество») [18, р. 183–187] или *dīw («быть ярким», «светиться», «сиять») [2, с. 791]. Исходя из этимологии термин daēva, вероятно, первоначально мог обозначать любые божества, но позднее получил негативное значение. Возможно, что именно Заратуштре принадлежит заслуга в «демонизации» термина, так как в Гатах он обозначает исключительно злых демонов [10, р. 131].

Божества, которые почитают дэвопоклонники, т. е. последователи незороастрийских культов, носят негативные имена: aka manah – «злая мысль», druj – «ложь», aešta – «гнев», «ярость». Очевидно, что в кругу своих последователей эти божества должны были иметь другие имена, без уничижительного значения. Вероятно, что к категории дэвов в Авесте были отнесены многие божества, которым ранее поклонялись индоиранцы [11, р. lxxvi] и чей авторитет отвергается в «символе веры» зороастризма (Ясна 12, 4). В Гатах не упоминаются многие известные среди индоиранцев божества (к примеру, Митра), что, вероятно, означает отнесение их к дэвам. Однако впоследствии они вернутся в зороастрийский пантеон в Младшей Авесте.

Итак, создателями Гат признается наличие других религий, главное отличие которых от зороастризма заключается в почитании божеств, не входящих в зороастрийский пантеон. При этом создатели Авесты не делали различий между религиями, поскольку последователи любых вероучений, кроме зороастризма, попадали в категорию «дэвопоклон-

ников», «чужих», на которых не распространялись законы авестийского общества (Ясна 12, 2):

spəntəm ārmaitīm vañuhīm vərənē || hā mōi astū || us gōuš stuyē tāyāatcā hazanḥatcā ||
us mazdayasnanam vīsəm zyuñayaēcā vīvāpaṭcā ||

Святые благочестие благое я выбираю. Она моим да будет.

От коровы отрекаюсь воровства и разбоа.

От почитающих Мазду селений притеснения и опустошения.

Поскольку Авеста и Гаты содержат немного информации о приверженцах незороастрийских культов, представляется необходимым обратиться к анализу специальных терминов, которые обозначают жрецов-дэвопоклонников.

Для обозначения жрецов-дэвопоклонников в Гатах используются иные термины, чем для зороастрийских жрецов. Так, выделяется группа из трех терминов: *kaṇa*, *kaṇarā* и *usixš*. Еще в начале XX в. утвердилось мнение о том, что данными терминами обозначались жрецы в доавестийский, индоиранский период, и лишь в Авесте они приобрели уничижительный оттенок [2, p. 20].

Чаще всего в Гатах употребляется термин *kaṇarā*, что объясняет пристальное внимание к его интерпретации. Так, Х. Бартоломэ проводил параллель с древнеиндийским *kāpra-* («обряд», «ритуал») [9, p. 455]. В. И. Абаев связывал термин с авестийским *xrafstra-* («дикое животное», «хищник») [1, с. 23–26]. Более вероятной, однако, представляется версия М. Шварца и У. Хеннинга, которые выводят *kaṇarā* от авестийского глагола *kaṇ-* («бормотать», «взывать», «умолять») [15], что соответствует санскритскому *kRp-* (слово с амбивалентным значением: «причитать», «горевать», «носить траур», «сожалеть», «слабеть»; «великолепие», «блеск» [3, с. 172]) и восходит к индоевропейскому корню **kāu-*, **kēu-*, **kū-* (http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=110&t=31187_1_2&sc=0 «завывать», «стонать», «голосить», «кричать» [18, p. 535–536]). Таким образом, с учетом предложенных значений, а также отрицательной коннотации термин может быть переведен как «заклинатель» или «взывающий».

Поскольку термин *kaṇarā* упоминается и в Гатах, и в Младшей Авесте, Х. Бартоломэ предлагает два значения термина с учетом хронологии источника: враждебные жрецы и наставники незороастрийской религии в Гатах и враги народа и веры в Младшей Авесте [9, p. 454–455].

Более неоднозначен термин *kaṇa*. Вероятно, он является производным от индоевропейского корня **gōu-*, **goϝ-*, **gū-* («взывать», «кри-

чать») [18, р. 403]. В индийской традиции для схожего термина kavī предлагается перевод «мудрец» [12, р. 20], «поэт» от корня kav- («поэтически описывать», «изображать», «создавать», «складывать») [19, р. 151]. С учетом принадлежности kava к дэвопоклонникам термин может быть переведен как «заместитель», «имитатор», «искажитель», т. е. тот, кто замещал жреца, неправильно исполняя его функции (с точки зрения создателей Гат).

Термин употребляется в Гатах и в Младшей Авесте в двух значениях:

1) служитель незороастрийского культа, дэвопоклонник (Ясна 32, 15; Ясна 44, 20 и др.);

2) один из восьми правителей, членов царской династии, получившей позже название Кейяниды, покровитель Заратуштры кави Виш-таспа, который являлся последним правителем с данным «титолом» (Ясна 46, 14; Ясна 51, 16 и др.).

Гипотеза Р. Фрая соединяет оба значения термина: так в индоиранском обществе мог обозначаться вождь племени, обладавший как политической, так и религиозной властью, т. е. имевший право проводить ритуалы [8, с. 63].

Поскольку термины kava и kaḡarā часто идут в паре, жрецы, обозначаемые данными терминами, могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) захват и уничтожение скота (Ясна 44, 20):

ciθēnā mazdā huxšaθrā daēvā aṅharē | aṭ īt pərəsā yōi pišyeintī aēviyō kaṃ |
yāiš gaṃ karapā usixšcā aēš māi datā | yācā kavā aṇmēni urūdōyatā |
noit hīm mīzēn ašā vāstrēm frādaiṅhē ||

Разве, Мазда, доброй властью дэвы были?

*Но об этом я спрашиваю тех, которые лишают их желания, которыми корову, **карапан** и усидж, жестокости вы отдали и которую **кави** в дыхании угнетал. Не стремились ее [в соответствии] с истиной пастбища привести к процветанию.*

2) уничтожение жизни (Ясна 46, 11);

3) обладание властью (Ясна 46, 11):

xšaθrāiš yūjēn karapanō kāvayascā | akāiš šyaοathanāiš ahūm mərəngəidyāi maš m |
yēṅg x^vē urvā x^vaēcā xraodaṭ daēnā | hyaṭ aibi.gəṃən yaθrā cinvatō pərətuš |
yavōi vīspāi drūjō dəmānāi astayō

*Властью приспособились **карапаны** и **кави**, чтобы злыми делами жизнь уничтожал смертный. Их самих собственная душа и вера испугается, когда они приблизятся [туда], где мост Чинват, во все времена обитатели дома лжи.*

4) использование опьяняющих напитков (Ясна 48, 10):

kadā mazdā maṇarōiṣ narō vīsəntē | kadā ajēn mūθrəm ahyā madahyā |
yā angrayā karapanō urūpəyeiṇtī | yācā xratū dušə.xšəθrā daχyunaṃ
*Когда, Mazda, послание мужи заметят? Когда уничтожат
грязь этого опьянения, которым злым карапаны причиняют боль
и которым [имеет] замыслом дурная власть земель?*

(Ясна 32, 14):

ahyā gərəhmō ā.hōiθoi nī kāvayascī xratūš nī dadaṭ | varəcā¹ hīcā fraidivā hyaṭ vīsəntā
dragvaṇtəm avō | hyaṭcā gāuš jaidyāi mraoī yē dūraoϕ m saocayaṭ avō
*Этого Грэхма давить и [вместе с] кави разум назначает и чудеса поливанием
ежедневным, когда они готовятся лживому помочь и когда корова быть
пораженной приговорена[тем], который удаляющего смерть [=хаому] подождет.*

Кроме того, исходя из текста источника термин *kararā* связан с нарушением законов, касающихся животноводства (Ясна 51, 14):

nōiṭ urvāθā dātōibyascā karapanō vāstrāṭ arēm | gavōi ārōiṣ āsəṇdā x^vaiš śyaοθanāiṣcā
səṅghāiṣcā | yē tš sēṅghō arēməm drūjō dəmānē ādāt

*Не послушны соглашениям и установлениям карапаны [относительно] пастбищ.
Скоту боль причинил и своими поступками, и своими проповедями
Эта их проповедь в итоге [получит из] дома лжи воздаяние.*

Наконец, третий термин *usixš* в Гатах и в целом в Авесте упоминается единожды (Ясна 44, 20), поэтому его значение является наименее понятным:

*Разве, Mazda, доброй властью дэвы были? Но об этом я спрашиваю тех,
которые лишают их желания, которыми корову, карапан и усидж,
жестокости вы отдали и которую кави в дыхании угнетал. Не стремились
ее [в соответствии] с истиной пастбища привести к процветанию.*

Из данного фрагмента очевидно, что *usixš* взаимодействовал с другими жрецами и был связан с захватом и уничтожением скота. Предположительно данным термином мог обозначаться жрец, который оказывал помощь воинам в захвате скота [12, р. 21]. Термин также может быть связан с санскритским *uśj* («желающий», «страждущий», «ревностный») [3, с. 132].

Из Гат в Младшую Авесту переходят два термина — *kaṇa* и *kararā*. Однако в Младшей Авесте они встречаются всегда в составе неизменной формулы, перечисляющей врагов авестийского общества (Яшт 1, 10; Ясна 9, 18):

daēvanam mašyānamca | yāθβam pairikanamca | sāθram kaoyam karafnamca |
mairyānamca bizaŋgranam | aš maoyānamca bizaŋgranam |
vəhrkanamca saθbarə.zaŋgranam

*Дэвов и смертных, колдунов и ведьм, правителей
кави и карапанов, негодяев двуногих и «оскверняющих истину»
двуногих и волков четырехногих*

или в сокращенном варианте (Яшт 5, 13; Яшт 14, 4 и др.):

дэвов и смертных, колдунов и ведьм, правителей, кави и карапанов.

Чаще всего формула в Яштах связана с просьбами героев и смертных о помощи (Яшт 5, 22; Яшт 10, 34 и др.), а также с уничтожением дэвопоклонников героями и богами (Яшт 14, 62; Яшт 19, 26 и др.).

В Младшей Авесте добавляются новые обозначения последователей незороастрийских культов:

1) ham-əgəθa-, «враг», «противник», «неприятель» (Яшт 2, 12; Яшт 10, 34 и др.);

2) duž-ūxta-, «злоговорящий» (Ясна 65, 7; Видевдат 18, 17);

3) duž-dā-, «делающий зло» (Ясна 51, 10; Ясна 57, 25 и др.);

4) miθrō.drug-, «лживый по отношению к договору» (Ясна 61, 3; Яшт 10, 2 и др.);

5) maīrua-, т. е. «лживый», «негодяй», «злодей» (Ясна 9, 11) и др.

Особое место среди терминов, обозначающих дэвопоклонников, занимает ašətaoyō, т. е. «уничтожающий истину», «неправильно толкующий истину». Вероятно, он обозначал того, кто проповедовал ложное с точки зрения авестийского общества учение [12, р. 268–269]. Данным термином могли обозначаться одновременно и демоны, и смертные, которые неправильно совершали обряды [11, р. XL]. Высказывалось также мнение, что так могли называться те, кто отказался от зороастрийской веры, и тогда термин может переводиться как «еретик» [14, р. 66], однако на авестийском материале данная гипотеза не находит подтверждения.

Авеста позволяет охарактеризовать ašətaoyā следующим образом:

1) неправильное исполнение ритуалов очищения (Видевдат 9, 52):

āat~ mraot~ ahurō mazdā || hō bā aēš ās | aš um zaraθuštra |
aš maoyō anašava | yō aētahmi aŋhvō yat~ astvaiṅti paiti.hiṅcaiti |
ā dim nōit~ apivatāite | daēnayā māzdayasnōiš yaozdāθryāt~ hasa

*Так говорил Ахура Мазда: он действительно этим является,
праведный Заратуштра, ашэмаога неправедный, который в этом мире,
который материальный, очищает от него, не являясь знающим
по вере маздаяснийской [ритуалы] очищения.*

2) осквернение огня, хаомы и прочих благих творений (Видевдат 5, 36–37):

āat~ mraot~ ahurō mazdā || yaθa vazayaçit~ viš.huš | tarō yārə mərətō ||
jvō zī spitama zaraθuštra | mairyō drvā bizangrō | avaθa aš maoyō anašava |
spəntahe mainyəuš dāmanəm həm.raēθβayeiti | jvō paiti.raēθβayeiti ||
jvō āpəm jaiṅti | jvō ātrəm frāvayeiti | jvō gaṃ varatəm azaite | jvō narəm
ašavanəm frazābaodaṅhəm snaθəm vikərət~ uštānəm jaiṅti | nōit~ avaθa mərətō ||

Так говорил Ахура Mazda: как лягушка высохшая, около года мертвая живой, потому что, Спитама Заратуштра, лживый, неверующий двуногий, так ашэмаога неправедный святого духа творения прямо оскверняет, живой косвенно оскверняет. Живой воду поражает, живой огонь задувает, живой корову связанную уводит, живой человека праведного лишаяющим чувств ударом, отделяющим душу, поражает, не так как мертвый.

3) уничтожение жизни (Видевдат 5, 37);

4) похищение коровы (Видевдат 5, 37).

Кроме того, появляются и другие термины в отношении жрецов незороастрийских культов: yātav- (чаще встречается в форме множественного числа yātavō) и raigikā. Дать определение данным терминам исходя из контекста источника достаточно сложно, так как оба термина употребляются, как правило, в составе уже упомянутой стандартной формулы (Ясна 9, 18 и др.):

дэвов и смертных, колдунов и ведьм, правителей, кави и карапанов.

Таким образом, однозначно можно сказать лишь то, что оба термина имеют отрицательное значение и обозначают врагов авестийского общества.

Исследователи практически единодушны в том, что термин yātav- означает колдуна [7, с. 266; 9, р. 1283–1284] и близок санскритскому yādav-, обозначающему род, к которому принадлежал Кришна [16, р. 1410–1412]. Вероятно, Кришна в Авесте мог рассматриваться в качестве представителя класса демонов. Возможно, термин происходит от индоевропейского корня *ǵ - (идти) [18, р. 501], сохранившегося в санскрите и авестийском языке в форме i-. Таким образом, yātav- может быть причастием со значением «идуший», «движущийся».

Колдуны могут быть сокрушены или уничтожены силой молитв (Ясна 61, 3; Яшт 1, 6 и др.), а также при помощи божеств авестийского пантеона и священных стихий – Хаомы (Ясна 9, 18), Огня (Видевдат 8, 80), Ваю (Яшт 15, 56) и др. Авторитет колдунов авестийцы отвергают в «символе веры» (Ясна 12, 4).

Термин *paṛikā* переводят, как правило, следующим образом:

1) «ведьма», «колдунья», «чародейка», «волшебница» [7, с. 295; 9, р. 863–864; 12, р. 275; 17];

2) «дэв», «демон» женского рода [7, с. 295; 17];

3) «метеор», «падающая звезда» [17].

Также можно провести параллель с индоевропейским *paṛkā*, «наложница», «сожигательница» [18, р. 789]. Возможно, данный термин происходит от санскритского глагола *vī-* («расчленять», «разделять»), тогда *paṛikā* – «та, которая разделяет». Кроме упоминания в числе врагов авестийского общества, термин *paṛikā* также встречается в Яштах и связан с несоблюдением законов относительно ведения сельского хозяйства (Яшт 8, 53–54).

Ведьмы нападают на стихии, корову и растения (Видевдат 11, 9–12) и могут быть изгнаны, низвергнуты (Яшт 1, 6; Яшт 11, 6 и др.) или убиты молитвами (Яшт 3, 5; Видевдат 20, 11). Чтобы противостоять им, авестийцы обращаются с просьбами к божествам: Хаоме (Ясна 9, 18), Ардви Суре Анахите (Яшт 5, 26), Митре (Яшт 10, 34), которые дают свою поддержку или сами уничтожают ведьм (Яшт 6, 4; Яшт 10, 26 и др.).

Образ паирик в Яштах выглядит мифологизированным – вероятно, в некоторых фрагментах данным термином обозначаются не люди, а дэвы, с которыми борются боги авестийского пантеона (Яшт 8, 8):

*tištrīm stārəm raēvaṇtəm | x^varənaṇuhantəm yazamaide | yō pairikā¹ taurvayeiti |
yō pairikā² titārayeiti | yā stārō kərəmā patanṭi | aṇtarə zaṃ asmanəmsa*

Тиштрию звезду блестящую, имеющую хварно, мы почитаем, которая ведьм преодолевает, которая ведьм превозмогает, что [словно] падающие звезды падают между землей и небом.

Поскольку в Авесте термины *yātavō* и *paṛikā*, как правило, составляют пару, вероятно, их функции были схожи или взаимно дополняли друг друга. Исходя из этого термином *paṛikā* обозначался жрец, расчленяющий жертву, а термином *yātavō* – жрецы, связанные с совершением жертвоприношения.

Таким образом, на основании анализа терминов, обозначающих жрецов незороастрийских культов, и контекста их употребления в Авесте можно сделать вывод о том, что главной функцией жрецов-дэвопклонников так же, как и авестийского жречества, являлся ритуал, на что указывает этимология терминов (в первую очередь *kava*, *karapā*) и контекст их употребления.

Незороастрийские ритуалы состояли из трех элементов:

- 1) произнесение сакральных текстов;
- 2) жертвоприношение животного (вероятнее всего коровы);
- 3) возлияние напитка хаомы.

Сакральные тексты являлись важным элементом многих древних культов. Ритуально-поэтический язык появляется задолго до распада индоевропейской общности, что отразилось в родстве ритуальной терминологии во многих индоевропейских языках [2, с. 833]. В Авесте весьма обширна лексика, имеющая отношение к устной речи как к составной части культа. В первую очередь это термин *maθra-* (мантра) – «магически действенное обрядовое заклинание» [4, с. 20]. Существование мантр относится по меньшей мере ко времени существования индоиранской общности, что подтверждается наличием схожего термина в санскрите (*mantra*). И хотя в Авесте мантра рассматривается прежде всего как составной элемент авестийского ритуала, упоминается также о том, что мантра может произноситься лживыми, т. е. дэвопоклонниками (Ясна 31, 18). Функция произнесения сакральных текстов (мантр) незороастрийским жречеством зафиксирована в этимологии терминов *kaṃa*, *kaṃarā* и, вероятно, *aθtaṃaṃ*, а также в тексте Авесты.

Жертвоприношение животного – второй элемент незороастрийского ритуала, что нашло отражение в этимологии термина *raigikā* («та, которая разделяет»), а также во многих фрагментах Авесты, где жрецы прямо связываются с принесением жертвы (Ясна 44, 20; Ясна 51, 14) или обвиняются в причинении зла животным и нарушении законов относительно животноводства и сельского хозяйства (Видевдат 12, 23).

Жертвоприношение, совершаемое дэвопоклонниками в Гатах, подвергается критике Заратуштрой (Ясна 44, 20). Однако уже в Младшей Авесте зафиксированы несомненные случаи принесения зороастрийцами в жертву лошадей, коров, мелкого скота (Яшт 5, 21; Яшт 9, 3 и др.), верблюдов (Видевдат 22, 3–4). Таким образом, в Младшей Авесте жертвенное животное снова становится ключевым компонентом ритуала, как это было до реформы и как это продолжали делать жрецы незороастрийских культов. Грань между авестийскими и дэвовскими (незороастрийскими) ритуалами размывается. Если в Гатах эта грань определялась внешними признаками ритуала, то в Младшей Авесте и члены авестийского общества, и дэвопоклонники приносят одинаковые жертвы одним и тем же божествам (Яшт 5, 29; Яшт 5, 41 и др.).

Наконец, третьим элементом незороастрийского культа является галлюциногенный напиток хаома (Ясна 32, 14; Ясна 48, 10). Культ хаомы восходит к индоиранскому периоду и имеет точное соответствие с индийским soma. Давнее знакомство индоиранцев с сакральным напитком подтверждается также данными археологии: в результате раскопок в Маргиане (Маргусе) на территории Туркменистана были обнаружены храмы, посвященные культу Хаомы, инструменты для приготовления напитка [6, с. 71–73], отдельные предметы, изображения на которых обыгрывают сюжеты, связанные с его приготовлением и применением [6, с. 54]. Таким образом, напиток имел большое значение в культурах народов древней Центральной Азии.

В Гатах Заратуштра не упоминает о Хаоме-божестве, а напиток хаома характеризуется исключительно с негативной точки зрения: как средство одурманивания людей жрецами (Ясна 48, 10). Впрочем, название напитка в данном фрагменте не упоминается, и, таким образом, сказать однозначно, что подразумевается именно хаома, мы не можем. Возможно, критикуя культ хаомы, Заратуштра выступал лишь против жрецов незороастрийских культов, которые, по его мнению, механически повторяли последовательность действий ритуала, не вкладывая в него морально-этического значения [13, с. 151]. Осуждению подвергались скорее «отклонения от культа», а не «сама по себе польза от жертвоприношения хаомы» [5, с. 94–95]. Поэтому более вероятным представляется, что Заратуштра призывал скорее ограничить культ хаомы, чем отказаться от него. Тем более что в Младшей Авесте происходит возвращение божества в зороастрийский пантеон, а напитка – в ритуал (в том числе в ключевой ритуал ясны, yasna). Таким образом, хаома является элементом и авестийского ритуала, и ритуала дэвопоклонников.

Итак, ритуал последователей незороастрийских культов включал те же элементы, что и авестийский ритуал. И если отличия в ритуале Гат и незороастрийском ритуале были значительными, то ритуал Младшей Авесты по внешним характеристикам совпадал с ритуалом дэвопоклонников:

Элемент ритуала	Зороастрийский ритуал		Незороастрийский ритуал
	Ритуал Гат	Ритуал Младшей Авесты	
Сакральные тексты	присутствует	присутствует	присутствует
Жертвоприношение животного	отсутствует	присутствует	присутствует
Напиток хаома	под вопросом	присутствует	присутствует

Отметим, что обнаружение во время археологических раскопок на территории Центральной Азии предметов, связанных с приготовлением хаомы или проведением жертвоприношений, нередко становится аргументом в пользу отнесения той или иной культуры к зороастрийской и отождествления ее последователей с создателями Авесты [16]. Однако как показывает сравнение ритуалов, данные элементы культа получили широкое распространение у последователей и зороастризма, и незороастрийских культов.

Таким образом:

1) последователи незороастрийских культов определяются в Авесте как *daēvayasna*, т. е. «дэвопоклонники» или «те, кто приносит жертвы дэвам»;

2) в Гатах используются три термина для определения жрецов незороастрийских культов — *kava*, *kararā*, *usixš*, происхождение которых восходит ко времени существования индоиранской общности;

3) в Младшей Авесте для обозначения жрецов незороастрийских культов используются как старые термины *kava*, *kararā*, так и новые термины — *ašətaoγō*, *yātav-* (*yātavō*) и *pairikā*;

4) главной социальной функцией незороастрийского жречества являлось проведение ритуалов;

5) ритуал незороастрийских культов включал три ключевых элемента: сакральные тексты, жертвоприношение животного и напиток хаома; данные элементы также входили в авестийские ритуалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // *Archiv orientali*. 1956. № 24. С. 23—56.

2. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 2 т.

3. *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь / под ред. В.И. Кальянова; с приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1987.

4. *Лелеков Л. А.* Зороастризм. Явление и проблемы // *Локальные и синкретические культы* / отв. ред. С. А. Арутюнов. М. : Наука, 1991. С. 12—49.

5. *Ньоли Г.* Проблемы и перспективы исследований персидской религии // *Религиоведческие исследования*. 2010. № 3—4. С. 89—108.

6. *Сарианиди В. И.* Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М. : Старый сад, 2010.

7. *Соколов С. Н.* Язык Авесты. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1964.

8. *Фрай P.* Наследие Ирана / под ред. и с предисл. М. А. Дандамаева; пер. с англ. В. А. Лившица и В. Е. Зеймалю. – 2-е изд., испр. и доп. М. : Вост. лит., 2002.
9. *Bartholomae C.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904.
10. *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // *Journal of the Royal Asiatic Society.* 1973. № 2. P. 123–140.
11. *Darmsteter J.* The Vendidad. Introduction // *Sacred Books of the East: in 50 vol. / ed. by F. Max Müller.* – Oxford : Oxford University Press, 1879–1910. – Vol. 4 : The Zend Avesta, Part I / tr. by J. Darmesteter. 1880. P. XI–CII.
12. *Dhalla M.* History of Zoroastrianism. New York : AMS Press, 1977.
13. *Duchesne-Guillemin J.* Zoroastre: etude critique avec une traduction commentee des Gatha. Paris : G.– P. Maisonneuve, 1948.
14. *Forrest S.K. Mendoza.* Witches, Whores, and Sorcerers: The Concept of Evil in Early Iran. Austin : University of Texas Press, 2011.
15. *Malandra W. Karapan* // *Encyclopaedia Iranica* [Electronic resource]. 2012. URL : <http://www.iranicaonline.org/articles/karapan>. Date of access : 21.03.2013.
16. *Parmeshwaranand S.* Encyclopaedic dictionary of Purānas: in 5 vol. New Delhi : Sarup & Sons, 2001. Vol. 5.
17. *Peterson J.H.* Dictionary of most common Avesta words // *Avesta – Zoroastrian Archives* [Electronic resource]. 2003. URL : <http://avesta.org/avdict/avdict.htm>. Date of access : 7.01.2010.
18. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Tübingen ; Basel : Francke, 1994.
19. *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London : Oxford University Press, 1962–1966.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 17 красавіка 2014 г.